

Дом моей матери

Мать задумала достроить дом, хотя знала, что его снесут через полгода, а то и раньше.

Решение было принято, когда она возвращалась из администрации. В одной из комнат она увидела план сноса: накарябанная карандашом линия безжалостно — словно нож, разрезающий кубик тофу, — вонзалась в самую середину нашего дома.

Мать буквально услышала тот звук — только не короткий «вжик», а громкий «бам», как удар гонга. По дороге домой в голове набухал огромный ком, и она сказала, что у нее началась мигрень.

«Сегодня душно. Зимой ужасно сухой воздух. Я устала ходить... Мне нужно отдохнуть», — пожаловалась она. Мать прислонилась к дому, к той его стене, что выходила на дорогу, и отвернулась, закрыв рукой лицо, чтобы я не видел его выражения.

Но я знал, что дело не в погоде, не в усталости и не в зимнем сухом воздухе. Она прятала от меня лицо в отчаянной попытке усмирить душевную бурю.

Наш четырехэтажный дом вряд ли мог поразить кого-то своей красотой. У нас было двадцать соток земли. Дом стоял в северной части участка, а за ним находился захламленный двор и старая развалюха из камня. С первого взгляда было понятно, что строили его с перерывами. Окна двух нижних этажей смотрели на запад, огромные двери выходили на дорогу — мать все

еще не теряла надежды, что когда-нибудь мы откроем на первом этаже свою лавку. А два верхних этажа — с окнами на юг — в отличие от нижних не были облицованы землисто-желтой плиткой, и ничем не прикрытые стены из кирпича и бетона казались голыми.

Каждый раз, приезжая из Пекина и смотря издали на это удивительное строение, я думал, что оно похоже на коралл, который растет и отчаянно тянется вверх, а когда погибает, становится опорой и убежищем для другого коралла, и тот забирается еще выше, превращаясь в многослойное нагромождение бранных живых и мертвых существ.

В Пекине, сидя за своим рабочим столом и устав от дел, я открывал карту в Google и приближал ее до тех пор, пока не находил свою деревню и очертания родного дома. Голубая планета надвигалась на меня, чтобы я мог разглядеть наше жилище, неуклюже примостившееся на краю участка. Сколько людей — проходя ли по переулку или без интереса глядя вниз из иллюминатора пролетающего самолета — видело этот странный дом, но вряд ли хоть один обратил на него внимание, не говоря уже о том, чтобы задержать на нем взгляд. Никто не догадывался, что происходило за его стенами, никто не подозревал, отчего у меня так болит душа. И как вновь не сравнить наш дом с кораллом, кусочки которого положили в аквариум, чтобы он оттенял пеструю красоту разноцветных рыбок? Жизненный путь этого коралла, с его историей смерти и последующего существования, может быть, не менее трогателен и драматичен, чем история нашей семьи, но кому есть дело до такого ничтожного предмета?

Мать рассказывала мне ее очень много раз. Все началось, когда ей было двадцать четыре года, а отцу — двадцать семь лет. Знакомство двух молодых людей произошло под бдительным взглядом свахи. Они оба так смущались, что не решались посмотреть друг на друга. В тот день их жизни навсегда сплелись

в одну. Участок земли, принадлежавший моему деду со стороны отца, конфисковало правительство, и с тех пор дед покатился по наклонной плоскости. Он пристрастился к опиуму, и семья вскоре разорилась. Мой восемнадцатилетний отец и его братья могли рассчитывать только на себя. Они знали, что родители не помогут устроить им жизнь, не найдут им жен. У отца не было ни дома, ни денег. На первом свидании он привел мою будущую мать к одному участку и сказал: «Я куплю тебе эту землю, а потом построю на ней большой дом».

И она поверила ему.

Они купили участок через три года после свадьбы. Отец отдал за него деньги, которые копил несколько лет, а также скромное матушкино приданое. Но это только земля, а где взять средства на строительство дома? В те годы отец еще путался с бандитами и не боялся ни бога, ни черта. Он бил себя в грудь, обещая разным людям, что все вернет сполна, влез в долги, но добыл денег. Правда, хватало их лишь на половину дома, и он решил построить сначала фасадную часть, оставив место для заднего крыла, возведением которого обещал заняться позже.

Отец сдержал слово. Мать любила вспоминать об этом, ведь, пожалуй, то была лучшая пора их жизни.

По ее словам, она места не находила, что они задолжали такую круглую сумму — несколько тысяч юаней. Однако всякий раз, как мать упоминала об этом, отец небрежно бросал: «Ерунда, мы легко вернем деньги». Она с явным волнением описывала и те моменты, и выражение отцовского лица, а в конце всегда повторяла: «Я-то тогда знала, что ваш отец — настоящий мужчина!»

Но все-таки он оказался не таким храбрецом, каким сам себя представлял. Раньше отец был бесстрашным лишь потому, что понятия не имел, сколько всего стоит бояться. Мать часто так говаривала, чтобы поддразнить его.

Спустя год у моего отца родился сын, то есть я. Семейная легенда гласит, что, впервые взяв меня на руки, он потом всю ночь не мог заснуть. На другой день отец очнулся ни свет ни заря, разбудил мою мать и спросил: «Да что, черт возьми, со мною такое, почему мне так страшно?»

С того момента навсегда исчез бесстрашный и беззаботный человек, его заменил хмурый, с вечной тревогой на лице мой отец — отец, которого я знал. Беспокойство лишило его аппетита. Мать уже догадалась, что он далеко не такой мужественный, каким хотел казаться. На третий день после родов нас с мамой выписали из больницы — денег, чтобы дольше там оставаться, у родителей не было.

На самом деле я был вторым ребенком. У меня есть старшая сестра. По закону я «лишний», и поэтому, чтобы родить меня, мать сбежала в далекий Сямынь. Обрато мы могли вернуться только на попутках. Отцу вообще грозило увольнение со службы, поскольку он нарушил закон и завел второго ребенка. Когда родители вышли из больницы, отец взял меня на руки. Обессиленная после родов мать с трудом пыталась как-то самостоятельно справиться с дорогой. Дело в том, что денег на машину не было, и они молча брели к шоссе, ломая голову, как им вернуться в родной дом.

Родители подошли к озеру. Отец беспомощно уставился на воду.
— Как же мы попадем домой? — обернувшись к матери, спросил он.

— Давай пройдем еще немного. Где дорога, там и путь, — едва не теряя сознание от боли, выдавила она улыбку.

Отец сделал несколько шагов и вновь повернулся к ней:

— Ты правда думаешь, что мы сможем туда добраться?

— Иди вперед. Просто иди.

Завернув за угол на перекрестке, они нос к носу столкнулись со своим соседом, который приехал в Сямынь за покупками.

«Иди вперед. Просто иди», — с тех пор как мать впервые произнесла эти слова, ей то и дело приходилось повторять их, чтобы подбадривать человека, когда-то обещавшего служить ей опорой всю свою жизнь.

Отца, как он и опасался, уволили со службы. Еще его оштрафовали, лишив на три года зернового пайка. Отец был так подавлен, что все это время просидел дома, даже не попытавшись найти себе работу. Мать, ни разу ни в чем его не попрекнув, хваталась за любое, что ей предлагали: шила одежду, ткала, упаковывала товары. Уголь она подворовывала у соседей, рыбу выпрашивала у родственников. Мать не бранила отца, но и не утешала его. Три года, выбиваясь из сил, она содержала семью и никогда не жаловалась.

Но в один не самый прекрасный день все изменилось. Отец вышел из дома, чтобы, как обычно, медленно прогуляться до ворот. Остановился у калитки и оглядел наш двор. Посмотрев на овощи, которые выращивала мать, на кур и уток, которых она разводила, он повернулся к ней и вдруг заявил: «Я собираюсь подыскать работу». Спустя месяц он отправился в Нинбо, нанялся там моряком и уплыл.

Через три года он вернулся — и вернулся с деньгами. Их хватило на то, чтобы построить дом из камня.

Отец тратил деньги не глядя. Он нанял мастера, чтобы тот вырезал на каменной плите двух птиц и каллиграфическую парную надпись с их именами — его и жены. Надпись отец сочинил сам. Все это делалось втайне от матери. Пока шла стройка, плита была обернута в красную ткань; когда настал наконец великий день, отец ее сдернул и мать увидела, что дом теперь украшают их имена.

Мне тогда было шесть лет. Помню, как мама ахнула и прикрыла рот, изумленно уставившись на парные надписи, а папа с гордым видом стоял рядом с ней.

На следующий день родители закатали пирушку для соседей. Среди шумных тостов и поздравлений отец объявил, что не собирается возвращаться в Нинбо.

Родственники бросились его разубеждать. По их понятиям, ему страшно повезло, ведь моряки получают намного больше, чем они, простые сельские труженики; кроме того, на корабле всегда подворачивалась какая-нибудь дополнительная работенка или чьи-то поручения со стороны. Отец не стал ничего объяснять. Он только махнул рукой и повторил, что ни за что не вернется обратно. Родственники пытались перетянуть мать на свою сторону, но она лишь тихо сказала, что раз уж отец решил, то и не стоит об этом говорить.

Отец так и не вернулся в Нинбо. На деньги, оставшиеся от строительства дома, он сумел открыть гостиницу, ресторан, где подавали морскую живность, продуктовую лавку и бензозаправку. Но дела шли всё хуже и хуже, и с каждой неудачей с отца словно слезала кожа. Он стал неряшливым, угрюмым и молчаливым. Однажды — я тогда уже учился в старшем классе — он пошел после обеда открывать лавку и неожиданно рухнул прямо во дворе. С ним случился первый инсульт.

Отца увезли. Когда он лежал на больничной койке и ждал операции, мать наконец решилась спросить:

— Что случилось в Нинбо? Ты от чего-то убежал?

Отец ухмыльнулся, обнажив почерневшие от курения зубы.

— Я так и знала, — тихо сказала мать.

От каменного дома, который построил тогда отец, теперь осталась лишь южная стена.

Каждый раз, когда я приезжаю в родную деревню, я подхожу к ней и разглядываю наш дом. Северную стену главной, центральной части снесли, но левое, западное крыло, где отец поселился после инсульта, а также правое, восточное крыло, в котором жила сестра

до замужества, — они еще стоят. В западном крыле отец перенес второй инсульт, у него отнялась вся левая часть — в этом наполовину парализованном теле он и протомился до конца своей жизни. В восточном крыле жила сестра; когда-то, рыдая, она сказала мне, что ей суждено выйти замуж только за бедняка, потому что родители не потянут хорошего приданого. Она решила, что незачем знаться с теми, кто богаче ее, и порвала со многими друзьями.

Я хорошо помню тот вечер. Она пошла гулять со своим парнем, но минут через пятнадцать вернулась. Одна. Прячась от родителей, сестра крадась в комнату и молча позвала меня за собой. Сестра покраснелась, в глазах застыли слезы, но ни одной слезинки по щеке так и не скатилось. Она долго не могла отдышаться, а потом наконец сбивчиво проговорила: «Пообещай, что никогда не будешь о нем спрашивать. И родителям скажи, что ничего не знаешь».

Я кивнул.

Только спустя много лет я понял, что в тот вечер парень поинтересовался, какое у моей сестры приданое.

Потом мать сдала старый дом семье, переехавшей в нашу деревню. Они платили сто пятьдесят юаней в месяц, и за десять лет она ни разу не повысила цену. Постояльцы ютились вшестером вместе с собакой. Они так плотно набились в наш дом, что в нем и следа от прошлого не осталось.

Когда они только переехали, я пару раз заходил туда в поисках какой-нибудь вещи. На полу, который жильцы уже успели залить жиром и маслом, еще виднелись отдельные пятна крови — полупарализованный отец довольно часто падал, — а место под лестницей, где он с такой любовью оборудовал мне местечко для игр, уже было завалено хламом.

Мать тоже часто забегала в старый дом. Даже не знаю, делала ли она это с какой-то целью или ее бессознательно тянуло туда.

Как мне кажется, мать специально впустила их в наш дом, надеясь, что только такая большая и шумная семья, втиснутая в столь малое пространство, сможет пропитать его и радостью, и бедами, вытеснив наполнявшие его когда-то наши счастье и горе.

Наверное, мать нуждалась в том, чтобы чужая жизнь тонким слоем покрыла нашу прежнюю, отдаляя нас от нее.

Сказать по правде, новый четырехэтажный дом, в котором она живет сейчас, кажется мне чужим.

Этот дом построили, когда я учился в выпускном классе. К тому времени отец болел уже два года. Однажды мать позвала меня к себе в комнату, достала из среднего ящика стола пачку денег и сказала, что у нас есть сто тысяч. То были наши общие деньги — ведь мать горбатилась на бензозаправке, сестра готовила бухгалтерские отчеты, а я редактировал разные тексты и занимался репетиторством. Мама заявила, что теперь я глава семьи и потому должен решить, как с ними поступить. Без особых раздумий я ответил, что нужно копить дальше.

Целых два года мать каждый вечер, часов в восемь-девять, уходила из дома, захватив с собой мешок. Вернувшись, она оставляла что-то во дворе, а потом появлялась перед нами, притворяясь, будто ничего странного нет в том, что она пропадает неизвестно где в одно и то же время. Мы с сестрой делали вид, что ничего не замечаем. Вскоре я понял, что мать тайком ходит на рынок и подбирает там подпорченные овощи и зелень, брошенные продавцами. На следующий день она готовила их и подавала с мясными тефтелями. Отличный обед для всей семьи.

Когда мать возвращалась с рынка, то тихо, стараясь это сделать незаметно для нас, оставляла овощи во дворе. Утром она тщательно перемывала их, срезая подгнившие места, после чего уже спокойно выкладывала для готовки на кухонный стол. Мы никогда не обсуждали эту тему, поскольку знали: если секрет будет раскрыт, нам придется несладко.

Но в тот вечер, когда мать достала из стола деньги, она сказала, что нам нужен дом.

— До того как отец заболел, он говорил, что хочет построить дом. Я тоже этого хочу, — так она аргументировала свое желание.

— На лекарства уходит куча денег, — возразил я.

— Я хочу построить дом, — повторила она.

В своем упрямстве она напоминала маленькую девочку, которая отказывается уходить из магазина без полюбившейся ей игрушки.

Я кивнул. Выходит, мы долго еще будем есть овощи и зелень, появляющиеся на нашей кухне «неизвестно откуда». Но тут я вспомнил, как некоторые родственники, завидев нас издали, резко сворачивали в сторону, а когда мы приносили жертвы в храме, делали вид, будто не замечают нас.

До меня дошло, что новый дом должен стать неким посланием миру — когда он будет построен, моя мать сможет ходить с высоко поднятой головой.

После тщательных расчетов стало ясно: денег хватит лишь на то, чтобы снести половину старого дома и возвести пару этажей. Мать, проучившаяся всего несколько классов, самостоятельно начертила план дома и сама выбрала благоприятный день для начала строительства — буквально за пару недель до моих вступительных экзаменов в университет. Отец — после первого инсульта — жил с матерью в левом крыле дома, а сестра — будучи девицей на выданье — заняла правое крыло. Поскольку старый дом решено было снести, для меня уже не оставалось места, и я переехал в школьное общежитие.

За неделю до начала строительства и сноса старого дома мать купила длинную связку петард. Каждый день, в надежде на то, что будет светить солнце, она раскладывала их на крыше для просушки. Благодаря этому, по ее словам, они будут трещать

громче и звонче. Но лето в том году выдалось на удивление дождливым. Несколько раз после обеда начинался ливень, и мать, заслышав стук капель, со всех ног мчалась к дому, стаскивала с крыши петарды и осторожно сушила их теплым феном — в общем, возилась с ними, как с младенцами.

Наконец наступил день, на который был назначен снос. Один из строителей подошел к стене и по традиции несколько раз торжественно ударил по ней молотком — в знак начала стройки. Час пришел. После этого мать на глазах у всех соседей вышла на середину дороги, медленно развернула длинную связку петард и подожгла фитиль.

Раздался оглушительный треск. Петарды громко взрывались, взметая дорожную пыль, и сизый дым поднимался вверх, окутывая нашу улочку. Я уловил глубокий и протяжный вздох матери, стоявшей рядом со мной.

Строительство дома — процесс довольно нервный, особенно для тех, кому приходится влезать в долги. Мать металась между бензозаправкой и стройкой и везде пахала наравне с мужчинами. В ней не было и пятидесяти килограммов, но она катала тяжелые бочки с горючим на заправке, а на стройке подавала кирпичи. Сгибаясь под тяжестью ноши, она лавировала между высокими, с нее ростом, башнями кирпичей. А ведь еще оставался полупарализованный отец — и после этих неженских трудов она помчится ухаживать за ним.

Я волновался за нее — разве с такой мамой можно было оставаться спокойным хоть на минуту? Именно поэтому каждый день после занятий я со всех ног бежал домой, на стройку. А она улыбалась, улыбалась даже тогда, когда пот стекал с нее ручьями. Иногда в полном изнеможении она ложилась прямо на землю и отдыхала, пока не восстановится дыхание. Но даже тогда — измученная, задыхающаяся, в строительной грязи — она улыбалась.

Если кто-то проходил мимо нашего участка, она всякий раз резво вскакивала на ноги и громко, как бы в никуда, говорила: «Сынок-то мой решил вот дом перестроить перед свадьбой. Я ему все твержу, что не нужно, а он стоит на своем. Что ты будешь делать? Ну, раз у него такие планы, надо же его поддержать».

В конце концов, за неделю до экзаменов, случилось то, чего я так боялся. Однажды во время строительных работ мать схватилась за живот и рухнула без чувств. Врачу много времени не потребовалось, чтобы поставить диагноз — острый аппендицит.

Пока я добирался до больницы, операция началась и уже закончилась. Влетев в палату на втором этаже, я нашел ее, полусидящей на кровати. Мать посмотрела на меня с улыбкой и спросила: «Ну что, фундамент уже готов?» Она боялась, что я начну кричать на нее.

Скорее всего, я так и сделал бы, но вдруг услышал, как в коридоре кто-то шаркает, стучит костылем и тяжело дышит. Это был отец. Похоже, узнав, что случилось с матерью, он вышел из дома, доковылял с костылем до шоссе, поймал машину и доехал до больницы. Дорога заняла у него три или четыре часа.

Отец медленно, опираясь на костыль и подволакивая ногу, вошел в палату, осторожно присел на краешек соседней койки и с облегчением выдохнул. Тяжело дыша, он впился глазами в мать и спросил:

— Ну ты как? Все нормально?

Она кивнула.

Его губы задергались и скривились, когда он, заставляя работать мышцы лица, пытался отдышаться. Повторил:

— У тебя точно все в порядке? — опять спросил он.

Его глаза покраснели. Он скривил рот, словно ребенок, который вот-вот заплачет.

— Действительно все в порядке? — повторил он.

Я смотрел на них и не мог выдать ни слова.

Дом строили примерно полгода. Когда стройка подошла к концу, я уже уехал учиться. наших накоплений, конечно, оказалось недостаточно — мать даже не смогла заплатить плотнику, который делал ворота. Ей пришлось просить денег у родственников, но сколько именно — она не признавалась. Теперь еженедельная выручка, которую давала бензозаправка, уходила на раздачу долгов.

Когда пришло время вселяться в новый дом, мать, решив не нарушать местной традиции, затеяла новоселье для родственников, хотя на него пришлось истратить не менее десяти тысяч юаней.

Тем вечером она все время улыбалась. Когда гости разошлись, мать потребовала, чтобы мы с сестрой собрали недоеденные закуски. Это означало, что всю ближайшую неделю мы будем питаться только этими объедками.

Первой не выдержала сестра:

— Зачем так необдуманно разбрасываться деньгами?

Мать, не говоря ни слова, продолжала убирать со стола грязную посуду. Поскольку сестра уже нарушила молчание, я тоже решил и раздраженно заметил:

— Не представляю, как я оплачу учебу за будущий год.

— Почему тебе не плевать, что подумают люди?! Ты лучше скажи, где мы возьмем деньги на лекарства? Где возьмем деньги за университет? — с горечью воскликнула сестра и заплакала.

Мать долго молчала. Единственное, что нарушало тишину, был плач моей сестры.

— Вы знаете, ради чего я живу? — неожиданно громко спросила она. — Я живу ради этого. Чтобы хоть раз вздохнуть с облегчением. Чтобы высоко поднять голову. И ничто другое не имеет значения.

С тех пор как у отца случился удар, мать впервые так на нас рассердилась.

Я устроился на полставки в редакцию газеты, а во время летних и зимних каникул подрабатывал учителем на подготовительных курсах в школе, поэтому жить в новом доме приходилось лишь время от времени, как в гостинице.

Сначала отец был очень доволен этим домом. Опираясь на костыль, он с трудом добирался до ворот, усаживался там и заговаривал с прохожими: «Вы только гляньте, какую махину отгрохала моя жenuшка!»

Не знаю, кто ему что нашептал, но не прошло и недели, как он заговорил совсем по-другому: «Моя старуха пожалела денег мне на лечение, но построила дом сыну, чтобы утереть нос соседям! На меня ей плевать! А я ведь даже ходить не могу!»

Каждый раз, когда мать входила в дом или выходила из дома, он осыпал ее злобными упреками. Она делала вид, что ничего не замечает, но слухи в маленьком городке расходятся быстро, особенно если их распускает несчастный калека.

Однажды вечером мне в общежитие позвонила тетя и велела немедленно возвращаться домой. По ее словам, мать сказала ей в тот день нечто очень странное: «Передай Чернышу, что я выплатила почти все долги, только плотнику осталось отдать три тысячи. Это нужно сделать обязательно, ведь он так нам помог. Отец должен пить таблетки от сердца каждый день в семь часов вечера. Надо следить за тем, чтобы их запаса хватало не меньше чем на месяц. Отец непременно должен их пить, что бы ни случилось. Я скопила немного денег за дочери на приданое, да и мои украшения можно продать; остальное, думаю, она и сама сможет собрать, если будет усердно трудиться».

Я бросился домой. Мама сидела за столом. Перед ней стояла пиала с ее любимым супом из постной свинины и имбиря. Она всегда готовила его, если ей нездоровилось. То ли он правда обладал целебными свойствами, то ли мать так сильно в это верила, но на следующий день она и впрямь обычно выздоравливала.

Мать услышала, что я вошел, но ничего не сказала.

— Что ты делаешь? — первым заговорил я.

— Вот суп приготовила, — ответила мать.

Я заглянул в пиалу и увидел, что суп выглядит намного гуще, чем обычно. Я догадался почему. Подошел к столу и забрал у нее миску.

Мы понимали друг друга без слов.

Я пошел выливать суп, а она, громко зарыдав, закричала:

— Думаешь, я сдаюсь? Думаешь, легко было решиться на такое? Я не могу отступить! Это так унижительно!

Тот вечер внезапно обнажил то, что таилось в наших душах. Мы оба думали, чтобы покончить со всем разом в тяжелые для нашей семьи времена. Эта мысль витала над нами, словно злой дух. Но никто из нас не решался об этом заговорить.

Я думал, что она не вынесет, если я признаюсь первым, а она думала так про меня.

И вот призрак обрел плоть.

Мать молча повела меня на второй этаж. Отец, безмятежно посапывая, дремал после обеда. Она открыла ящик стола и достала коробку. В коробке лежал бумажный конверт, завернутый в шелковый платок.

Это был крысиный яд.

Пока отец безмятежно похрапывал, мать спокойно объяснила: — Я купила его после того, как отец заболел. Мне столько раз казалось, что я больше не выдержу... каждый раз хотела добавить его в суп, но духу не хватало, и снова его прятала.

— Нет, так не пойдет. Не надо. Я не верю, что мы не справимся.

В тот вечер я убеждал ее, что она не может покончить с собой, не получив моего разрешения, поскольку я глава семьи. Она пообещала, что не будет этого делать. Мама сидела рядом со мной и плакала как ребенок.

Я забрал у нее яд и почувствовал, что и правда стал главным.

Впрочем, мне явно не хватало выдержки. Спустя неделю, когда отец в очередной раз вышел из себя, я вынул яд и заорал: «Может, нам всем лучше сдохнуть?!» Домашние обомлели. Мать сердито вырвала у меня пакетик и спрятала его в карман.

Ей удалось превратить мрачный секрет в эффективное средство против семейных раздоров. Если мы начинали ссориться, она ни слова не говоря поднималась на второй этаж, и мы сразу затихали, прислушиваясь. В такие минуты мы могли думать лишь о том, правда ли хотим смерти. Гнев и раздражение таяли. Разве можно злиться, когда думаешь о таком?

Можно сказать, крысиный яд, ни разу не послуживший своей прямой цели, практически исцелил нашу семью, сумев притушить все недовольства и обиды, которые болезнь и бедность навлекали на нас.

После первого курса, когда я приехал домой на летние каникулы, мать снова позвала меня в свою комнату и достала стопку купюр.

— Давай надстроим еще два этажа?

Я не знал: плакать мне или смеяться. Целых три года мы из кожи вон лезли, чтобы выплатить долги. Порой я с трудом находил деньги для оплаты своего обучения. А мать опять за свое!

Она нервно вертела в руках пачку денег. Лицо ее покраснелось. Она была похожа на генерала, отдающего приказ залечь в окопы перед последней битвой.

— Ни у кого здесь нет четырехэтажного дома. Если мы надстроим два этажа, то сможем наконец высоко держать голову, — проговорила она.

Тогда я понял, что гордости и упрямства в матери намного больше, чем я предполагал. Ей было мало просто высоко держать голову — она хотела возвышаться над соседями.

Еще я знал, что не смогу ей возразить.

Все оказалось так, как она и планировала: мы достроили два этажа, и в деревне начался переполох — соседи только и судачили о нашем четырехэтажном доме. Когда треск последней петарды ознаменовал окончание стройки, мать взяла отца под руку, и они чинно отправились на рынок.

Прогуливаясь по рынку, она с важным видом заявляла знакомым: «Подождите, вот через пару лет мы с сыном снесем старый дом и сделаем уютный дворик. Обнесем его стеной. Когда все будет готово, обязательно приходите посмотреть».

Отец, с трудом ворочая непослушным языком, поддакивал: «Да-да, вот увидите».

Только через год после этой прогулки неожиданно умер отец. А через два года после этой прогулки мать увидела на доске объявлений в сельской администрации план сноса, на котором карандашная линия вонзалась прямым в середину нашего дома.

На обратном пути из администрации мать вдруг обратилась ко мне:

— Давай дом достроим?

— Конечно, — ответил я.

— Ты, наверное, думаешь, это глупо? Ты думаешь, я такая упрямая. Ведь его же скоро снесут. И снова придется пахать от зари до зари, и снова потратить кучу денег... Сама не знаю, зачем мне это надо, — принялась оправдываться она.

Вдруг мать зарыдала в голос:

— Я одно знаю, что, если бы мы его не построили, я была бы несчастна всю свою жизнь. Не имеет значения, где я в конце концов буду жить, мне все равно, где я окажусь.

Мы вернулись домой, поужинали, посмотрели телевизор. Мама рано легла спать. Похоже, мрачные мысли совсем ее измотали. А я никак не мог заснуть. Наконец я встал с кровати и включил в доме свет. Впервые за все эти годы я по-настоящему увидел, что меня окружает. Я разглядывал каждый уголок дома — это

было как увидеть знакомое лицо и понять, что оно, оказывается, постарело, что со своими морщинами, пигментными пятнами и шрамами оно вдруг стало чужим.

Третий и четвертый этажи строили кое-как. Не было ни поручней, которые мать заботливо предусмотрела для отца, ни мебели. Оба верхних этажа пустовали, и только после кончины отца она поспешно перебралась наверх. Для меня обустроили комнату на четвертом этаже. Одно время мать вообще не заходила на второй этаж.

Там, в первой комнате, находилась родительская спальня. Моя комната была рядом, а комната сестры — чуть поодаль, через коридор. Второй этаж, включая лестницу и балкон, занимал небольшую площадь: меньше ста квадратных метров, — а оставшееся пространство было поделено на три маленькие комнаты. После того как отца парализовало, он передвигался с большим трудом и часто на чем свет стоит бранил мать за столь нескладно спроектированный дом. На что мать обычно отвечала: «Да я ведь и в школу почти не ходила. Ты что, думаешь, я архитектор?»

На стенах второго этажа остались отметины от отцовского костыля. Я открыл дверь комнаты и сразу почувствовал слабый запах, напоминавший об отце. Там по-прежнему стоял деревянный стол, когда-то хранивший в себе стопки денег и крысиный яд. Столешница была поцарапана все тем же отцовским костылем, которым он колотил по ней в приступах бешенства. Средний ящик оказался запертым. Я понятия не имел, что на этот раз мать прятала в нем.

Не включая свет, я сел на стул рядом с кроватью, где когда-то спал мой отец. Я вспомнил, как он лежал здесь после второго инсульта, когда его разбил паралич. И еще вдруг вспомнил, как ребенком любил прыгать у него на животе.

Из-за нахлынувших воспоминаний я решил прилечь на кровать и снова почувствовал, как меня обволакивает отцовский запах.

В окно просачивался тусклый лунный свет, и я увидел, что у изголовья висит моя фотография, которую я сделал в фотобудке несколько лет назад. Я перевернулся на бок, чтобы рассмотреть ее. Мое лицо показалось мне непривычно бледным. Вглядевшись повнимательнее, я понял, что изображение просто поблекло — видимо, отец часто поглаживал фотографию пальцами.

Я лежал неподвижно, изо всех сил сдерживаясь, чтобы мать не услышала моих рыданий. Проглотив слезы, я быстро сбежал со второго этажа. Пора заканчивать эту ужасную экскурсию. Больше не потяну.

Утром мать, увидев, что на участок пришли геодезисты, нервно растолкала меня — совсем как раньше, когда она с тревогой звала меня на помощь, если отец падал.

Мы прилипли к окну, наблюдая за тем, как они расчехляют инструменты, нацеливают их неизвестно на что и быстро записывают цифры. И мама сказала: «Похоже, если мы хотим достроить дом, нам надо поторопиться».

Тогда же днем она отправилась навестить моего дядю. После смерти отца она часто обсуждала с ним семейные дела. Кроме того, у него было много знакомых среди строителей, и он мог бы помочь нам с ними сторговаться.

Я остался ждать ее дома. На душе было тоскливо. Не находя себе места, я выбрался на крышу четвертого этажа. Дом стоял на пригорке, и оттуда открывался вид на всю нашу деревню.

Раньше я как-то не обращал внимания, что вся наша деревня превратилась в строительную площадку. Рвы и канавы, выкопанные в красной почве, походили на сочащиеся язвы и кровавые раны. Новое шоссе змеилось на востоке, словно чудище, которое прокладывало себе дорогу, пожирая все на своем пути. Там, где оно проползало, дома были наполовину разрушены; деревянные леса и строительные сетки, прикрывавшие их, придавали им

вид переломанных конечностей, обернутых в лохмотья. Я видел на плане сноса множество линий, устремленных на те дома, которым суждено вскоре исчезнуть — как и тому дому, где я жил. Они еще стоят, но через несколько лет земля под ними лопнет, с нее сдерут кожу, как с заключенного.

Я попытался представить все истории, которые таили в себе эти дома. Какие следы оставили люди, когда-то обитавшие в них? Какие чувства они испытывали? Ведь все печали и радости минувших лет превратятся в облачко пыли, которое взметнется над развалинами.

Вдруг мне пришло в голову, что я по отношению к самому себе поступаю ничем не лучше. Я относился к своему сердцу точно так же, как муниципальные чиновники относились к нашему городку: ради собственного развития, во имя строительства какой-то цели, во имя будущей респектабельной жизни я спешил переделать, снести, перестроить все, что мне дорого. А ведь обратной дороги нет, и мы уже никогда не станем прежними — ни я, ни наш городок.

Вечером к нам зашел дядя. Мать радостно бросилась ему навстречу, думая, что он нашел для нас строителей. Он не спеша взял чашку с чаем, отпил глоток и сказал:

— Если честно, я считаю, тебе не стоит достраивать этот дом.

— Почему? — только и поинтересовалась мать.

Дядя внезапно разозлился.

— Я тебя не понимаю. Раньше ты говорила, что строишь дом для Черныша, чтобы не было стыдно перед соседями. Ну хорошо. А теперь-то тебе это зачем?

Мы вместе с матерью хотели ему что-то объяснить, но он даже не стал нас слушать.

— В общем, я против. И хватит об этом.

Решив поменять тему, дядя посоветовал купить мне квартиру в Пекине.

— Нельзя думать только о себе. Подумай о сыне, — обратился он к матери.

Она побагровела, но сумела сдержаться. Дядя смутился и спросил: — Может, объяснишь, почему ты решила его достроить?

Мать молчала.

— Вообще-то это я так решил, — вмешался в разговор я.

Я ничего больше не сказал дяде, хотя прекрасно понимал, почему мать мечтает об этом доме. Для нее главной семьи всегда оставался отец, даже после того как он стал калекой. И наш дом начал строить именно он.

Если совсем честно, я догадался об этом только во время разговора с дядей. Я вдруг понял, что мама строила дом вовсе не ради себя, не ради меня, не ради того, чтобы достойно выглядеть в глазах соседей. Она делала это ради отца — ради человека, создавшего нашу семью, чтобы он видел, какая она у нас дружная и крепкая.

Как еще она могла выразить свою любовь, о которой всегда молчала?

Дяде было невдомек, почему я решил поддержать мать, но он больше с нами не спорил. Конечно, он беспокоился о моем будущем. Желание построить дом, заранее обреченный на снос, было настоящим сумасбродством, но я на самом деле не смог бы растолковать ему, зачем это нужно.

Матери не терпелось приступить к делу, и дядя помог ей найти надежных строителей и выбрать благоприятную дату для начала стройки. Правда, к этому дню я уже должен был уехать в Пекин.

За день до моего отъезда мы с матерью сходили в банк, чтобы снять деньги. Когда их выдали, она села и бережно, одну за другой, пересчитала купюры — еще бы, ведь она всю жизнь старалась выбиться из нищеты. Закончив считать, мать прижала стопку банкнот к груди, как младенца, и, осторожно ступая, пошла домой.

Я думал, она будет счастлива, но мать всю дорогу молчала.

— Прости, сынок, — сказала она, когда мы подошли к воротам. — Похоже, нам не хватит денег на квартиру в Пекине.

Я только рассмеялся.

Она прошла несколько шагов и, набравшись смелости, задала вопрос:

— У меня есть одна просьба, но я боюсь, ты рассердишься. Самое ценное в старом доме — это каменная плита у входа. Ты не против, если я велю мастеру вырезать на ней папино имя?

— Не против, — спокойно ответил я.

На самом деле я еле сдерживал слезы. Значит, я все понял правильно, и это было так трогательно, что я чуть не заплакал.

— А может, лучше оставить плиту, на которой папа заказал вырезать ваши имена? — спросил я.

Ее морщинистое лицо порозовело и расцвело в застенчивой, какой-то подростковой улыбке. Я погладил ее по голове, как ребенка.

Любимая моя мама.

В том году мы с коллегами собрались в первый рабочий день, чтобы отметить прошедший Новый год*. В столовой комнате было шумно; все рассказывали, как провели праздники. Кто-то два дня простоял в очереди за билетами, а приехав в родной дом, обнаружил, что семья стала чужой, и теперь жаловался на пропасть между собой и родителями. Мы выпили за покинутые, такие далекие и такие родные места.

Подняв чашку, я произнес про себя собственный тост, обращенный к моим коллегам: «Делайте все возможное, чтобы стать счастливыми, бедные мои бродяги, сиротливые души!»

А потом вспомнил о матери и о том, что дом скоро построят.

Даже если его снесут, даже если я никогда не куплю себе жилье в Пекине, у меня будет моя семья, в которую я всегда смогу вернуться.

* Новый год в Китае чаще называют Праздником весны.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

